

Ночной
контракт

Автор
Кира Си

18+

Кира Си

Ночной контракт

<https://litres.ru/74677642>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алине нужен один заказ, чтобы спасти студию. Марку нужна одна ночь без имён, сообщений и завтрашнего утра.

Закрытый аукцион в его отеле выглядит как работа мечты: шёлк, свет, чужие деньги и договор, который нельзя обсуждать. Она подписывает. Он обещает, что после рассвета они снова станут чужими.

Но утром на тумбе лежит его имя, а среди лотов — дом, в котором стоит её мастерская. Страсть, которую они договорились забыть, становится рычагом чужой сделки. И чем ближе Алина к правде, тем труднее отличить желание от покупки.

«Ночной контракт» — первая книга цикла о власти, ревности и выборе, который нельзя вписать в пункт договора.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кира Си

Ночной контракт

Глава 1

Долг на стекле

Дождь бил в витрину так, будто хотел войти без спроса.

Алина стояла посреди студии и смотрела, как вода стекает по стеклу, разрезая город на кривые полосы. За окном мокрый проспект, чужие зонты, чужая спешка. Внутри пахло тканью, горячим утюгом и кофе, который она забыла выпить ещё утром. На длинном столе лежали образцы шёлка. Чёрный, цвета шампанского, густой винный. Красивые вещи в комнате, где через одиннадцать дней могло не остаться ничего.

Одиннадцать.

Цифра стояла в письме от управляющей, приколотом к пробковой доске между эскизами и счётом за свет. Вежливо, почти ласково. «В связи с задолженностью по аренде просим освободить помещение до...» Дальше дата. Дальше подпись женщины, которая ещё месяц назад хвалила гирлянды на её витрине и говорила, что студия делает дом живым.

Дом больше не нуждался в живом.

Алина провела ладонью по кромке стола. Дерево было

тёплым от лампы. Под пальцами зацепилась нитка. Она смотрела её, аккуратно, как будто порядок на столе мог остановить выселение. За спиной тихо гудела машинка. Лена, швея на полставки, подшивала чехол для стульев чужой свадьбы. Свадьба была маленькая, дешёвая и уже оплаченная. Этих денег хватало на кофе, ткань и ещё на три дня электричества. На аренду не хватало даже стыда.

— Если хочешь, я останусь до ночи, — сказала Лена, не поднимая головы. — Всё равно ливень.

— Иди. Я закрою.

— Алина.

— Иди.

Лена посмотрела на неё долже, чем следовало. В этом взгляде было всё, о чём они не говорили уже неделю: пустая касса, отказ банка, клиентка, которая исчезла вместе с предоплатой за юбилей. Алина выдержала взгляд. Она умела держать лицо. Это входило в профессию раньше, чем свет, ткань и умение сделать так, чтобы чужой праздник выглядел как обещание.

Когда дверь за Леной закрылась, студия стала слишком большой.

Алина погасила верхний свет. Остались лампы над столом и витрина, в которой город видел не её, а то, что она хотела показать: медный каркас, ветку сухих трав, один стул, обитый тёмным бархатом. Красивая ложь. За бархатом лежали коробки с неоплаченными счетами и платье, которое она так

и не отдала заказчице, потому что заказчица перестала брать трубку.

Телефон завибрировал на столе.

Незнакомый номер. Она почти не ответила. В последние дни незнакомые номера означали либо банк, либо людей, которым она обещала то, чего больше не могла сделать.

— Студия Север, — сказала она всё же. Голос вышел ровным. Хороший голос. Голос женщины, у которой нет долга на стекле.

— Алина Сорина?

Мужчина. Низкий, спокойный, без спешки. Не банк. Банки так не дышат в трубку.

— Да.

— Вам передадут конверт. Сегодня. Не вскрывайте его на улице.

— Кто вы?

Связь уже оборвалась.

Алина посмотрела на погасший экран. Дождь стучал громче. На секунду ей стало смешно: вот до чего дошла, если чужой голос без имени кажется событием, а не угрозой. Она проверила замок, хотя запирать уже было почти нечего. Ткань. Лампы. Её имя на стекле, выведенное тонкой белой краской: «Север. Свет и праздники».

Имя она придумала в двадцать четыре, когда казалось, что север означает ясность. Теперь оно означало холодное помещение и счёт, который не сходился.

Конверт принесли через сорок минут.

Курьер не поднял глаз. Чёрная куртка, мокрые плечи, планшет, на котором она расписалась чужим, слишком аккуратным росчерком. Конверт был плотным, без марки, без обратного адреса. Только её имя. Бумага пахла дорогим типографским клеем и чем-то ещё, едва уловимым, тёплым, не цветочным. Она закрыла дверь и только тогда поняла, что держит конверт обеими руками, будто он мог выскользнуть.

Внутри лежали три листа и карта-ключ в матовом чёрном пластике.

Первый лист был коротким.

Закрытый аукцион. Отель «Левин». Послезавтра, двадцать два ноль-ноль. Гостей сорок. Пресса отсутствует. Имя заказчика не разглашается. Требуется полное оформление зала, света, входной группы и частных зон. Срок подготовки — тридцать шесть часов. Осмотр объекта сегодня, в двадцать три тридцать. Penhouse. Ключ прилагается.

Второй лист был сметой.

Алина прочитала цифру дважды. Потом ещё раз, уже стоя, потому что сидеть с такой суммой казалось неприличным. Это были не деньги за гирлянды. Это были деньги, которых хватало закрыть аренду, долг за ткань, пеню и ещё остаться на месяц тишины. Внизу, мелко, стояло условие: пятьдесят процентов по прибытии на объект, остальное после мероприятия. При отказе после осмотра предоплата возвращается в полном объёме.

Третий лист она развернула медленнее.

Там не было логотипа. Только одна фраза, напечатанная тем же спокойным шрифтом:

Вы нужны не для украшения. Вы нужны, чтобы никто не смотрел туда, куда смотреть не следует. Если вас это пугает, не приезжайте.

Алина засмеялась. Коротко, зло, почти без звука.

Её пугало выселение. Её пугал пустой холодильник в квартире над студией и то, как управляющая вчера избегала её глаз в лифте. Её пугала собственная готовность уже через секунду считать, сколько рулонов чёрного шёлка можно купить до полуночи. Анонимный заказчик, который прячет аукцион от чужих глаз, был на этом фоне почти роскошью. Опасной, да. Но опасность хотя бы имела цену.

Она подошла к витрине и приложила ладонь к стеклу. Холод сразу впитался в кожу. По ту сторону дождь смывал её имя. Буквы дрожали, распадались, собирались снова. «Север». Если она не поедет, через одиннадцать дней имя снимут вместе с вывеской, и на этом месте повесят объявление о свободной площади.

Телефон снова ожил. Сообщение с того же скрытого номера:

Машина у чёрного входа через двадцать минут. Одна. Без помощницы. Платье не имеет значения. Руки — да.

Алина перечитала последнюю строку.

Руки — да.

Она посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы, короткий чистый маникюр, царапина на костяшке от вчерашнего кар-каса. Руки, которыми она собирала чужие праздники так, чтобы людям хотелось остаться, прикоснуться, забыть, зачем они пришли. Ей редко говорили об этом прямо. Обычно говорили «атмосфера», «вкус», «дорого, но не кричаще». Этот человек написал иначе. Будто видел не портфолио, а то, как она касается ткани.

По коже прошло тепло. Неуместное, злое на саму себя. Она стояла в пустой студии с долгом на стекле, а тело уже отвечало на чужое предложение так, словно речь шла не о работе.

— Прекрати, — сказала она вслух.

Голос прозвучал неубедительно.

Алина поднялась в маленькую квартиру над мастерской. Душ был коротким. Вода пахла железом городских труб. Она надела чёрные брюки, простую шёлковую блузу, пальто, которое ещё держало вид. Волосы собрала. Потом распустила. Потом снова собрала, оставив у шеи одну прядь, и разозлилась на себя за эту прядь. На осмотр объекта не едут так, будто кто-то будет смотреть на шею.

Ключ она положила во внутренний карман, ближе к груди. Пластик был холодным даже через ткань.

Перед уходом она на секунду остановилась у доски. Письмо о выселении висело криво. Алина сняла его, сложила вдвое и убрала в ящик. Не потому, что долг исчез. Потому

что не хотела, чтобы эта бумага первой бросалась в глаза, если она вернётся.

Если.

У чёрного входа ждала машина без опознавательных знаков, длинная, тёмная, с мокрыми боками. Водитель вышел под дождь, открыл дверь и не спросил имени. В салоне пахло кожей и тем же тёплым, тихим запахом, что и конверт. На сиденье лежала ещё одна карточка.

Не опаздывайте. Он не любит, когда к нему входят без стука. И не любит, когда стучат слишком долго.

Алина провела пальцем по строке. Бумага была дорогой, почти тканью. Где-то между рёбрами толкнулось не страх и не радость, а предвкушение, которое она не имела права себе позволять. Работа. Только работа. Сумма, за которую можно не снимать имя со стекла.

Машина тронулась. Студия осталась позади, узкая витрина в потоке дождя, маленький остров света. Алина не обернулась. Она смотрела вперёд, на мокрый город, и держала в кармане холодный ключ от чужого отеля.

Через двадцать минут она узнает, кто платит за её спасение.

И чего именно он захочет увидеть её руками.

Глава 2

Человек без имени

Лифт шёл слишком долго.

Алина стояла одна в кабине без кнопок этажей. Ключ она приложила к чёрной панели ещё внизу, и после этого лифт перестал спрашивать, куда ей нужно. Стены были тёмные, зеркальные. В них отражалась женщина в мокром пальто, с прядью у шеи, которую она так и не убрала. Дурацкая прядь. Она подняла руку, чтобы заправить её, и опустила. Поздно изображать, будто ей всё равно, как она выглядит.

Кабина остановилась без звука. Двери открылись прямо в пентхаус.

Там было темно, если не считать города. Стекло во всю стену, внизу мокрые огни, дождь ещё не кончился и полз по окнам тонкими дорожками. Пахло кожей, дорогим деревом и тем же тёплым запахом, что конверт и салон машины. Не духи. Кожа человека, который здесь жил.

Он стоял у окна и не обернулся сразу.

Высокий. Плечи шире, чем казалось по силуэту. Белая рубашка, рукава закатаны, пиджак брошен на спинку кресла, будто он снял его только что и не для неё. Волосы темнее, чем стекло за его спиной. Алина видела запястье, вену, часы без блеска. И ещё видела, что он знает: она уже смотрит.

— Четыре минуты, — сказал он.

Голос был тот же, что в трубке. Низкий, без спешки. От него в животе стало тесно.

— Пробки, — сказала она. — И вы не представились.
Он обернулся.

Смотрел не как заказчик. Заказчики смотрят на лицо, потом на папку, потом на часы. Этот смотрел на рот. Долго. Потом на шею, туда, где она оставила прядь. Потом ниже, на шёлк блузы, мокрый у ворота от дождя, прилипший к коже. Взгляд не был грязным. Хуже. Он был внимательным. Таким смотрят на вещь, которую уже решили взять, и проверяют, выдержит ли она руки.

Алина не отступила. Если отступить сейчас, он поймёт слишком много.

— Имя вам ни к чему, — сказал он.

— Мне нужно знать, с кем я работаю.

— Вы работаете с отелем. Деньги уже ваши, если останетесь до конца осмотра.

Он пошёл к ней. Не быстро. Босиком по тёмному полу, и это почему-то ударило сильнее, чем костюм. Домашний человек в чужом для неё месте. Между ними было шагов восемь. Потом пять. Потом он остановился так близко, что она почувствовала тепло его тела через мокрое пальто.

— Пальто, — сказал он.

— Я не нанималась раздеваться в прихожей.

Уголок его рта дрогнул. Не улыбка. Почти.

— В прихожей нет. Пальто мокрое. Вы холодная. Мне

нужно видеть, как вы стоите в зале, а не как вы мёрзнете.

Алина сняла пальто сама. Медленно, чтобы это не выглядело послушанием. Шёлк под ним был тонким. Она знала это ещё дома и всё равно надела именно его. Ткань липла к груди. В пентхаусе было тепло, после дождя соски стали заметны под блузой, и она поняла это по его взгляду раньше, чем по собственному стыду.

Он смотрел туда слишком долго.

— Вы всегда так разглядываете подрядчиков? — спросила она.

— Нет.

Честно. И от этой честности между ног стало горячо, зло, не вовремя.

Он не попросил прощения за взгляд. Обошёл её сбоку, не касаясь, и она всем телом почувствовала, где он проходит: за плечом, у лопатки, ниже. Остановился за спиной. Не прижался. Дышал так близко, что воздух у её шеи стал теплее.

— Руки, — сказал он.

Она протянула их не сразу. Он взял правую. Большая ладонь, сухая, горячая. Большой палец лёг на запястье, точно туда, где бился пульс. Он не гладил. Держал. Слушал кожу, как слушают чужой секрет.

— Вот за этим я вас вызвал, — тихо сказал он. — Не за именем в портфолио. У вас руки, которые заставляют вещи хотеть, чтобы их трогали. Завтра в этом зале люди будут врать друг другу. Мне нужно, чтобы свет, ткань и расстоя-

ние между стульями делали их честнее, чем они собирались быть. И слабее.

— Это не оформление, — сказала Алина. Голос сел. — Это ловушка.

— Это работа. Если страшно, лифт за вашей спиной.

Она не пошла к лифту. Его палец всё ещё лежал на пульсе. Он наверняка чувствовал, как тот parts. Нет. Как тот бьётся. Она поправила себя мысленно и разозлилась: даже мысли уже путались.

— Покажите зал, — сказала она.

— Позже.

Он развернул её к себе за запястье. Не рывком. Так, что она могла выдернуть руку и не выдернула. Теперь они стояли лицом к лицу. Ей пришлось поднять подбородок. У него были серые глаза, тёмные в этом свете, и рот, на который нельзя было смотреть дольше секунды. Она смотрела дольше.

— Вы дрожите, — сказал он.

— Я замёрзла.

— Уже нет.

Его вторая рука поднялась к её шее. Не сжала. Костяшки прошли по той самой пряди, убрали её за ухо, задели мочку. Алина выдохнула через рот. Звук вышел слишком похожим на то, чего она не хотела ему отдавать. Под шёлком грудь ныла. Между бёдер стало влажно, резко, от одного этого касания и от того, как он смотрел на её губы, будто уже решал, с какой стороны укусить.

— Не надо, — сказала она.

— Скажите это так, будто хотите, чтобы я остановился.

Она промолчала.

Он наклонился. Медленно, давая время отступить, упереться ему в грудь, сказать имя хотя бы своего отказа. Она не сказала. Его рот остановился в волоске от её рта. Дыхание смешалось. Она почувствовала тепло его губ, не поцелуй ещё, только обещание. Ниже живота всё сжалось так, что ей пришлось сжать бёдра. Он это заметил. Конечно, заметил. Его нос коснулся её носа. Нижняя губа почти задела её губу, сухую от дождя и дыхания.

Алина приоткрыла рот.

Сама. Это было хуже всего. Не он взял. Она потянулась навстречу, на миллиметр, и этого хватило, чтобы его пальцы на её шее стали твёрже. Он выдохнул ей в губы короткое, низкое:

— Вот так.

И в кармане у него зазвонил телефон.

Звук был тихий и неприличный, как смех в чужой спальне. Он не отстранился сразу. Ещё секунду держал рот у её рта, будто мог не ответить. Потом всё-таки ответил. Не отходя. Алина чувствовала, как вибрирует его голос, когда он говорит почти в её губы.

— Не сейчас.

Пауза. На том конце говорили долго. Его взгляд не отпускал её глаз. Свободная рука лежала на её талии, большая, го-

рячая, через тонкий шёлк. Большой палец нашёл край ребра и остановился там, не поднимаясь к груди и не опускаясь ниже. От этого «не» хотелось сильнее, чем если бы он взял всё сразу.

— Я сказал, не сейчас, — повторил он уже холоднее. — Пусть ждут внизу.

Он сбросил звонок. Рука с её талии ушла. Шея сразу стала холодной. Почти-поцелуй повис между ними, незакрытый, злой.

Алина отступила на шаг. Ноги слушались плохо. В белье было мокро, и она ненавидела его за то, что он, кажется, знал это без единого лишнего движения.

— Это не входит в смету, — сказала она.

— Нет, — согласился он. — В смету входит зал. Сорок гостей. Никакой прессы. Свет, в котором лица красивы и плохо читаются. Ткань, к которой тянутся руки. Вы получите половину сейчас. Вторую после. И ещё одну бумагу, которую я покажу вам не сегодня.

— Какую бумагу?

— Ту, которую нельзя подписывать мокрой от дождя и от этого.

Он сказал «этого» тихо, глядя на её рот. Алина вспыхнула так, что стало жарко шее.

— Вы слишком много о себе думаете.

— Я думаю о вас. Это хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.